

М. К. Трофимова

ИЗ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

(К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта
в III веке до н. э.)

Хотя исследуемый в настоящей работе вопрос не принадлежит к числу тех общих исторических проблем, которые, действуя в историографии как пробный камень, дают возможность по их решению безошибочно судить о школе, к которой принадлежат ученые, — несмотря на это и он представляет некоторый историографический интерес. Ввиду его конкретности можно было бы ожидать, что изучение его велось с большей объективностью и не затемнялось с такой силой, как при трактовке общих проблем, многообразной тенденциозностью авторов. Однако рассмотрение литературы позволяет все же различить связи, правда, более тонкие и менее уловимые, с ведущими историографическими направлениями.

Рождение темы торговой конкуренции между Боспором и Египтом в III в. до н. э. справедливо связать с публикацией статьи М. И. Ростовцева «Greek Sightseers in Egypt»¹. Своим появлением эта работа была обязана папирусу из архива Зенопа, опубликованному Беллом² в 1927 г., о послых Перисада II и феорах из Аргоса при дворе Птолемея Филадельфа. В указанной статье М. И. Ростовцев предложил историческую трактовку этого памятника, связав последний с основными, по мнению автора, направлениями политической и экономической жизни не только Боспора и Египта в III в., но и всего Средиземноморья в целом. Подобный замысел был несомненной заслугой М. И. Ростовцева. Борьба Птолемея Филадельфа и Антигона Гоната (до и после битвы при Косе) за греческие города служит М. И. Ростовцеву тем историческим фоном, представление о котором, в конечном итоге, определяет всю его концепцию.

Наиболее существенные моменты последней таковы: (1) Сила Боспора — в успешной торговле зерном с греческими городами. (2) Новая ситуация в Средиземноморье в III в. до н. э.: потеря Афинами своего руководящего положения и выдвижение Египта изменили условия внешней торговли Боспора, который, как и Египет, вывозил в первую очередь зерно. (3) «Следовательно, можно было ожидать, — писал М. И. Ростовцев, — что александрийские цари, хлеботорговцы, какими они были, окажутся враждебны к их соперникам на Черном море. Основной статьей их торговли

¹ M. Rostovtzeff, Greek Sightseers in Egypt, «The Journal of Egyptian Archaeology», XIV (1928), стр. 13—15.

² H. Idris Bell, «Symbolae Osloenses», V, 1927.

было также зерно, их рынок был точно таким же, как у боспорских царей. И, однако, наше письмо, кажется, показывает, что не было такой вещи, как соперничество между Александрией и Пантикапеем. Отношения были дружественными. Почему?» (ук. соч., стр. 14). Таким образом, М. И. Ростовцев предполагал возможность появления гипотезы о торговой конкуренции Боспора и Египта, но сам в этой статье категорически возражал против такого предположения. (4) Причина отсутствия торгового соперничества между Боспором и Египтом заключалась, по мнению М. И. Ростовцева, в слишком малом производстве зерна в древнем мире, значительно меньшем, чем был спрос на него. Египет не мог удовлетворить все нужды в хлебе различных рынков Греции. (5) Поэтому Птолеми не монополизировали хлебных рынков и к этому не стремились. (6) Что же касается боспорской торговли, то Птолеми ей не препятствовали, и благодаря этому Боспор процветал даже в их времена. (7) Но терпимость к ней у Птолемеев была условной. «Птолеми не возражали, чтобы боспорские цари продавали свое зерно, но не распространяли это разрешение на всякого. Другим, но не врагам!» (стр. 15). (8) Поэтому, считал Ростовцев, совершенно необходимым был повторяющийся обмен посольствами между Александрией и Пантикапеем. Здесь, наконец, М. И. Ростовцев подходит непосредственно к интерпретации папируса Зенона. Текст переведен Б. Н. Граковым: «Аполлоний [шлет] Зенону привет. Как только ты прочтешь это письмо, отошли в Птолемаиду повозки и остальное, [нужное] для переезда послам от Перисада и феорам из Аргоса, которых отправил царь на зрелище [праздника] у Арсинонта, и позаботься, чтобы не опоздать с их удобством: ибо когда мы писали тебе это письмо, они уже отплыли. Будь здоров. Лета 32-го, Панэма 26-го, Месоре 1-го». Приписка Зенона: «Лета 32-го, Месоре 1-й), 2-й, Аполлоний Зенону, в 10-й час относительно средств передвижения для перисадовых и аргосских послов» (Граков, Материалы, стр. 260—261). Вот выводы, которые М. И. Ростовцев делает на основании текста этого папируса: боспорские послы, несомненно (no doubt), дискутировали с двойкетом Птолемея о некоторых политических и экономических проблемах, «особенно об управлении хлебным рынком» (стр. 15). Развивая эту мысль, М. И. Ростовцев говорит о той опасности, которую таила для Египта возможность (и, как явствует из последней фразы статьи, осуществившаяся возможность³) союза между могущественным Перисадом и Македонией, поскольку своим зерном боспорский царь мог поддерживать множество греческих городов, делая их независимыми от Египта.

Остроумная конструкция М. И. Ростовцева грешит одним существенным недостатком — она не доказана. Это относится как к ее основе — тезису четвертому, который представляется М. И. Ростовцеву истинной очевидной, так и к тезисам седьмому и восьмому, которые в части боспорско-египетских отношений являются чистым домыслом исследователя. Нужны доказательства — автор их не приводит, так как их нет в источниках; нет, впрочем, и прямых опровержений догадок М. И. Ростовцева. Но это последнее не есть еще основание к тому, чтобы считать догадки доказан-

³ В подтверждение автор ссылается на эпиграфические памятники: известие о даре в 50-х годах III в. до н. э. Перисадом 11 фиалы в делосский храм (Граков, Материалы, № 27 и 28) и прокесию делосцев в честь Койрана (Граков, Материалы, № 21). По характеру шрифта Руссель относит последнюю надпись ко времени после середины III в. до н. э. Как известно, в результате поражения Птолемея в битве при Андросе (246 или 245 г. до н. э.) Делос стал македонским, и, следовательно, прокесия, действительно, может относиться ко времени македонского господства на Делосе. Фиала же была посвящена Перисадом не позднее 252 г. (см. Граков, Материалы, стр. 261). Насколько эти памятники свидетельствуют о союзе Перисада и Антигона, предоставляем читателям судить самим.

ными. Возможность, вероятность и действительность — вот три качественно отличающиеся друг от друга логические категории наших заключений об историческом процессе, которые, смешиваясь, рождают путаницу и способствуют закреплению за смутными догадками нрав истин, не возбуждающих сомнения. Условная терпимость Птолемея к боспорской торговле — откуда она взята? Контроль Египта над торговлей Боспора (с кем можно и с кем нельзя торговать), «несомненность» миссии боспорских послов в связи с хлебной проблемой — все это заключения разного масштаба, но равно нуждающиеся в аргументации источниками. И именно здесь в преувеличении влияния торговли на политику в древности — «когти льва» дают знать о себе. М. И. Ростовцев исходит из представления, что торговые пути неизбежно совпадают с политическими связями. Для него несомненен самый факт, что ведущие силы Средиземноморья должны были контролировать внешнюю торговлю даже такого далекого государства, как Боспор, и его положение об отсутствии конкуренции в хлебной торговле между Египтом и Боспором приобретает иной характер, чем кажется на первый взгляд. Оно введено в рамки концепции, уподобляющей международные отношения древности современным. И как это нередко бывает у тех, кто находится под влиянием модернизации древней истории, сходство принимается за аксиому, а не доказывается.

Поднятый М. И. Ростовцевым вопрос о боспорско-египетском соперничестве привлек внимание советских исследователей. Первым откликом на него были статьи С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (1933) и «Основные линии экономического развития боспорского государства» (1934). Новым в сравнении с концепцией М. И. Ростовцева у С. А. Жебелева было не только признание боспорско-египетской конкуренции в хлебной торговле III в. до н. э., но и то, что констатация этого факта послужила основой для далеко идущих выводов.

Подобно М. И. Ростовцеву, С. А. Жебелев считал главным ресурсом экономической базы Боспора широкий экспорт преимущественно хлебного зерна в Грецию⁴ (стр. 83). Но если М. И. Ростовцев в рассмотренной статье полагал, что мысль о конкуренции Боспора и Египта могла возникнуть, но была бы совершенно неверной, С. А. Жебелев нашел ее справедливой. С конца IV в. до н. э. в хлебном экспорте у Боспора, по мнению С. А. Жебелева, появился сильный конкурент — птолемеевский Египет (стр. 84). О том, на каких именно рынках развернулось соперничество, С. А. Жебелев говорит не очень ясно: в первой статье имеются в виду, очевидно, не только афинский, но и греческие рынки вообще (стр. 85), во второй статье о конкуренции сказано только применительно к афинскому рынку (стр. 147). Как и М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев полагал, что посольство Перисада II в Египет было предпринято с целью «несомненно урегулировать также и вопросы, касающиеся хлебного экспорта» (стр. 84). Результатом торгового соперничества между Птолемеями и Спартокидами было неизбежное сокращение хлебной торговли Боспора (стр. 85). Это, в свою очередь, вызвало ослабление военной мощи Боспора и тем самым развязало наступление племен на него. Итогом указанных процессов было «медленное угасание» Боспорского государства после расцвета в IV в. (там же).

Присмотримся, как аргументирует С. А. Жебелев тезис о существовании боспорско-египетской торговой конкуренции. «Для Афиш это можно констатировать, — пишет С. А. Жебелев, — на основании документальных данных, из которых видно, что на афинском рынке египетский хлеб появляется уже с первого десятилетия III в. (Syll.³, 409; 367)» (стр. 84). Пер-

⁴ Цитаты и ссылки на страницы даны по переизданию статей в сборнике: С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953.

вая надпись представляет афинский декрет в честь Федра Сфеттийца, около 275/4 г. до н. э. «Отправившись послем к царю Птолемею Старшему, он доставил народу хлеб и деньги» (Syll.³, 409, 28—30). Судя по контексту, этот факт относится ко времени между 296/5 и 292/1 гг. до н. э. Вторая надпись — это афинский декрет в честь Зенона, начальника флота Птолемея I, она датируется 290/289 г. до н. э. В ней сказано: «...так как Зенон, поставленный царем Птолемеем начальником над невооруженным флотом, пребывает благорасположенным публично по отношению к народу и частно к каждому из афинян, заботясь о тех, с кем встретится, говоря и делая доброе, что может, для города, он заботится и о доставке хлеба народу, чтобы он был переправлен наиболее надежным способом, содействуя сохранности города...» (Syll.³, 367, 10—19).

Если бы весь эпиграфический материал III в. до н. э. о хлебообеспечении Средиземноморья исчерпывался этими двумя надписями, гипотеза С. А. Жебелева, возможно, и показалась бы вероятной⁵. Однако из тех же Афин III в. дошли три декрета с указанием на хлебные дары: от боспорского царя Спартока (289/8 г. до н. э.) — 15 000 медимнов хлеба (Syll.³, 370), от царя цеонов Авдолеонта (289/8 г. до н. э.) — 7500 македонских медимнов хлеба (Syll.³, 371), от царя Лисимаха (около 287/6 г. до н. э.) — 10 000 аттических медимнов пшеницы (Syll.³, 374). О разрухе и попытках восстановления собственного зернового хозяйства говорит афинский декрет в честь Эвриклида (Syll.³, 497 — после 229 г. до н. э.). Наконец, от III в. дошло постановление в честь Ксенократа, хрисца, который помог афинским закупщикам хлеба добраться до цели их плаванья — Метапонта — (конъектура Wilhelm) и Сиракуз (SEG, III, 92). Все эти надписи так или иначе показывают, что далеко не один Египет участвовал в афинском хлебообеспечении, что Причерноморье, Северо-Восточное Средиземноморье, как и Западное, продолжали играть в этом немалую роль, что проблема по-прежнему оставалась острой.

Подобную картину рисуют эпиграфические документы и для прочих греческих полисов Средиземноморья: они говорят о связях, тянущихся не к одному Египту⁶; из них можно почерпнуть известия о недостатке хлеба (*καταχρηστικὸς τὸν ἄρτον ἀποδείξας*) на о-ве Самос в первой половине III в. (SEG, I, fasc. II, 366, 36 слл.), о таком же бедствии (*ἐν τῇ πλειστασίᾳ*) в первой половине III в. в греческом полисе, название которого осталось неизвестным (IG, XI, 4, 1049 b, 6), о сильной нехватке хлеба (если правильна конъектура Grainger), которую переживал о-в Иос в конце III в. до н. э. (IG, XII, 5, 1011). Поэтому думается, что «выборочно-иллюстративный» метод доказательства не может считаться удачным. Только наиболее полное привлечение источников приближит исследователя к истине в интересующем вопросе.

Таким образом, степень обоснованности источниками позиция С. А. Жебелева в его полемике с М. И. Ростовцевым мало чем отличалась от позиции последнего. Выдвинув противоположную М. И. Ростовцеву точку зрения, признав боспорско-египетскую торговую конкуренцию существовавшей в III в. до н. э. и определявшей в большой степени развитие

⁵ О теоретической стороне этой гипотезы см. ниже.

⁶ D u r g b a s h, I, 46: делосцы благодарят византийца за продажу им по сходной цене 500 медимнов пшеницы (первая половина III в. до н. э.); D u r g b a s h, I, 48: делосцы чувствуют Аристобула, проксена и эвергета слятишица и делосцев, посланного македонским царем Деметрием II в качестве закупщика хлеба на Делос (30-е годы III в. до н. э.); Syll.³, 493: гистийцы благодарят родосца за помощь их послацам при закупке хлеба на Делосе (230—220 гг. до н. э.); Syll.³, 547: жители Оропа производяпают проксенами и эвергетами города тирийца и сидонца, соглашавшихся продать по подходящей цене хлеб (конец III в. до н. э.).

Боспорского государства, С. А. Жебелев тем самым, как нам представляется, преувеличил роль свободной торговли для древности (черта, в другом виде присущая и концепции М. И. Ростовцева). Расхождения М. И. Ростовцева и С. А. Жебелева в нашем вопросе были не столь велики, как кажется на первый взгляд: это сказалось в той оговорке о столкновении интересов Боспора и Египта, которую сделал М. И. Ростовцев в «Социальной и экономической истории эллинистического мира»: «Главным предметом торговли, который (эгейский) рынок поглощал в больших количествах, было зерно. Его возможности в этом отношении были очень велики. Едва ли поэтому можно говорить о конкуренции между главными производителями зерна в Эгейском мире. Однако их интересы, несомненно, в каких-то отношениях сталкивались. Вероятно, таковы столкнувшиеся интересы, которые были улажены в Александрии послами Перисада Боспорского и повели к активным дипломатическим сношениям между Вифинией и Птолемаями. Но дело носило скорее торговый, а не политический характер, и, по всей вероятности, некий *modus vivendi* был установлен не посредством дипломатических переговоров, а торговцами и банкирами Родоса» (SEH, I, стр. 393). Несмотря на довольно неопределенную форму, это — отказ от точки зрения 1928 г. Однако для М. И. Ростовцева, который не признавал конкуренции в хлебной торговле только из-за недостаточного производства зерна в ту эпоху, но который в «Социальной и экономической истории эллинистического мира» многократно формулировал тезис не только о политической, но и о торговой гегемонии Египта в Эгеиде, — отказ был довольно естествен и не означал принципиального поворота.

К концепции С. А. Жебелева примкнул ряд советских исследователей: Б. Н. Граков⁷, В. Ф. Гайдукевич⁸, Д. П. Каллистов⁹, В. Д. Блаватский¹⁰. Однако в их работах отчетливо сказалось, что возросший археологический материал не свидетельствовал о полном упадке боспорского хозяйства в III в. до н. э. О несовместимости этих данных с конструкцией Жебелева писал Д. Б. Шелов. В рецензии на посмертное издание сборника статей Жебелева Д. Б. Шелов решительно возражал против утверждения С. А. Жебелева и его последователей «о постепенном, по всеобщем и глубоком упадке и деградации боспорской экономики с середины III в. до н. э.»¹¹. Ссылаясь на данные археологии, Д. Б. Шелов писал, что явления упадка в некоторых областях экономики Боспора сочетались с подъемом в других. «Таким образом, — по его словам, — картина экономического развития Боспора в эллинистическую эпоху была значительно более сложной, чем она представлялась С. А. Жебелеву и многим другим историкам» (рец., стр. 167). Но хотя археологические источники поколебали концепцию С. А. Жебелева в весьма существенном вопросе — под сомнение ставился всеобщий кризис боспорской экономики в III в. до н. э., но одна из причин возникновения этого кризиса — сильная боспорско-египетская торговая конкуренция, продолжала не вызывать возраже-

⁷ Граков, Материалы, стр. 234, 261.

⁸ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 76—78; ср. о нем же, История античных городов Северного Причерноморья (сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955), стр. 120.

⁹ Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 228—229, 233, 235; он же, Античный мир в Северном Причерноморье, М., 1951, стр. 128—129, 135—137.

¹⁰ В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 10 сл.

¹¹ Рец. Д. Б. Шелова на работу С. А. Жебелева, Северное Причерноморье, «Вопросы истории», 1954, № 2, стр. 167; ср. Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М.—Л., 1956, стр. 147 сл.

ний у исследователей. Характерна в этом отношении позиция В. Ф. Гайдукевича: «Посольство Перисада вело в Александрии (Египет) какие-то переговоры с Птолемеем II Филадельфом в 254/53 г. Возможно, в них обсуждался вопрос о размежевании районов сбыта хлеба, поскольку оба государства выступали в качестве крупнейших экспортёров пшеницы и на этой почве их интересы сталкивались. Особенно отрицательно сказывалась эта конкуренция на экономике Боспора» (История античных городов..., стр. 120).

* * *

Состояние литературы вопроса указывает, в каком направлении возможна дальнейшая работа. Чтобы ответить на конкретный вопрос о боспорско-египетской конкуренции в хлебной торговле на греческих рынках III в. до н. э., надо предварительно уяснить два момента: во-первых, существовала ли основа этой конкуренции — свободная торговля, как господствующая форма хлебоснабжения полисов, и предложение, превышающее спрос. Во-вторых, придется, по возможности, определить формы тогдашнего экономического общения в международной сфере, решить, какое место занимали торговля, дань, дары, регулярное обложение, прямой грабёж и пр. Логически более оправданным был бы обратный путь исследования: от форм хлебоснабжения к месту, занимаемому внешней торговлей, и проблеме спроса-предложения. Однако мы последуем по тому пути, который продиктован характером литературы по теме, и начнем с тезиса, молчаливо или более явно определившего эту литературу — с тезиса о соотношении спроса-предложения. Разумеется, в дальнейшем изложении указанные проблемы будут рассмотрены не во всей полноте, а лишь относительно хлебоснабжения.

Так как, согласно Жебелеву, мир греческих полисов был той ареной, на которой разыгралась битва двух противников в хлебной торговле — Боспора и Египта, то именно хлебоснабжение полисов по преимуществу и рассматривается ниже. Греческие полисы не представляли в III в. до н. э. органического единства ни в политическом, ни в экономическом, ни в социальном смысле. Как целостное понятие их выделяет исследователь. Но, будучи выделенными, они оказываются связанными множеством нитей со всей исторической тканью эпохи. Тем самым по ним, как по части, можно судить и о целом, о состоянии хлебной проблемы в Восточном Средиземноморье.

Оба вопроса принадлежат к числу тех общих политико-экономических вопросов, методика изучения которых для античности разработана недостаточно и представляет известные трудности. Прежде всего, эти трудности обусловлены характером источников, которыми мы располагаем при решении подобных вопросов. В наших руках надписи III в. — осколки большого зеркала, порой довольно верно отражавшего жизнь, — почетные декреты, восхвалявшие государственных деятелей и частных лиц, так или иначе способствовавших государствам в тяжелом деле хлебоснабжения; эпиграфические известия о разнообразных мерах, предпринимавшихся с целью урегулировать хлебную проблему. Ценные подробности о хлебоснабжении подвластных Египту областей сообщают папирусы. кое-что можно почерпнуть из позднейших авторов — Полибия, Плутарха, Диодора Сицилийского, которые в своих исторических описаниях попутно касались и нашей темы. Более ранние литературные источники, подобно ораторам IV в., несмотря на их принадлежность к ишой эпохе, также могут быть использованы. Так, ораторам мы обязаны подробностями об афинских хлебных законах, которые, быть может, сохра-

няли силу и в III в. Некоторые сведения для понимания того, как сами древние воспринимали проблему хлебоснабжения, дают Аристотель и Псевдо-Аристотелева «Экономика». Наконец, много интересного о видах сельскохозяйственных культур, технике земледелия, орудиях труда и пр. могут сообщить памятники материальной культуры и монеты.

Мы не ставим своей задачей сколько-нибудь полное использование всех видов источников, но предполагаем рассмотреть по преимуществу надписи и литературные свидетельства. Мы задаемся целью ответить не на один из конкретных вопросов древней экономики — о пути, по которому шел хлеб, или о лицах, непосредственно занятых в хлебоснабжении, или о таре, в которой экспортировали зерно, — мы предполагаем осветить более общую проблему: действительно ли соотношение спроса-предложения в свободной торговле определяло хлебоснабжение греческих полисов и могло оказать такое роковое влияние на исторические судьбы Боспорского государства. В праве ли мы, учитывая состояние источников, ставить столь широкую проблему? Думается, что в праве. Ибо, когда исследователи и не формулируют эту проблему, они, как свидетельствует рассмотренная литература, решают ее для себя и оперируют этим решением, полученным, так сказать, интуитивно. Но этого недостаточно: надо внимательнее присмотреться к конкретному материалу источников и выяснить по возможности содержание тех понятий, при помощи которых мы стараемся истолковать этот материал. Оговоримся заранее, что если решение второй из интересующих нас в этой работе проблем — о формах экономического общения — может вырасти из непосредственного наблюдения над источниками, то для первой проблемы этого мало. Здесь историк вынужден стать на время экономистом, идти путем логических умозаключений, ибо самый вопрос таков, что обладай мы и большим числом источников, все равно прямого ответа ни у древних авторов, ни в надписях, ни в вещественных памятниках мы не прочли бы.

* * *

В основе концепции С. А. Жебелева и его сторонников о боспорско-египетской конкуренции в хлебной торговле, конкуренции, которая имела такое серьезное следствие, как упадок боспорской экономики, лежит непреложное убеждение в возможности существования в III в. до н. э. мирового, по тогдашним условиям, средиземноморского рынка, а также торговой конкуренции в рамках этого рынка, т. е. значительного перевеса предложения над спросом на зерно. Это — логический вывод, который напрашивается из гипотезы С. А. Жебелева.

В новой буржуазной литературе по эллинистической экономике вопрос о спросе-предложении в общей форме не мог не занимать исследователей. Так, Ф. Хейхельхейм в «Истории хозяйства древности» постулировал, но не доказывал (как, впрочем, и большинство своих отправных тезисов об античном хозяйстве) наличие конкуренции в международной торговле и то, что «новый египетский хлеб завоевал в сильнейшей степени греческий рынок»¹². В устах крайнего модернизатора, не мыслившего древность вне рамок капиталистических отношений, это звучит естественно.

Попытку обосновать свою точку зрения на спрос-предложение сделал М. И. Ростовцев в «Социальной и экономической истории эллинистического мира». Автор исходил непосредственно из условий производства зерна в древности. Он считал, что зерно тогда не производилось в количе-

¹² F. H e i c h e l h e i m, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, Leiden, 1938, стр. 442—443.

ствах, достаточных для удовлетворения потребностей (SEN, стр. 587). А потому, признавая выдающуюся роль Египта в мировой торговле и полагая, что «спрос на понтийское зерно был, вероятно, менее острым, чем раньше» (стр. 587), М. И. Ростовцев полагал все же, что Боспор оставался великим экспортером зерна в Эгейский мир (стр. 588) и понтийское зерно, несомненно, могло соперничать с зерном из Египта, Анатолии и Сирии (стр. 587). Признавая характерным для древности большее или меньшее отставание предложения от спроса, М. И. Ростовцев не отступал от основной идеи о господстве свободной торговли буржуазного типа в эллинистическом Средиземноморье.

Таким образом, эти примеры указывают на два противоположных мнения, имеющих хождение в литературе. И если первое сводится к молчаливому признанию превышения предложения над спросом и обнаруживает себя чаще всего в тех выводах, которые из этого делаются (жесточкая торговая конкуренция), то второе (предложение отставало от спроса) у М. И. Ростовцева получает свое если не фактическое, то логическое обоснование уровнем производства. Заслуживает внимания то обстоятельство, что, при всем несходстве взглядов названных ученых по данному вопросу, у них намечается и нечто общее — на античном материале так или иначе решается одна из классических проблем буржуазной политической экономии — о спросе и предложении в свободной торговле. Когда же мы беремся за источники, то обнаруживаем, что присоединиться ни к одному из высказанных мнений не можем, ибо и самой проблемы, присущей высокоразвитому товарному хозяйству, в той почти исключительной форме, в какой это проблема ставилась в буржуазной литературе, для средиземноморского хлебоснабжения III в. не существовало. Поясним нашу мысль. Греческие полисы, разумеется, вели внешнюю торговлю хлебом — следовательно, имело место некоторое соотношение спроса и предложения. Но, поскольку торговля не была единственной формой распределения хлебных богатств между полисами, это соотношение не определяло характера греческого хлебоснабжения. Не о спросе и предложении в торговле говорят источники; на их основании мы можем решать вопрос, насколько велика была потребность в хлебе у полисов и в какой степени она удовлетворялась.

Источники не раз упоминают о проблеме хлебоснабжения. Ее острота могла меняться в зависимости от объектов и событий, но никогда не исчезала. Особенно сильно давала чувствовать себя она в районах, бедных собственным хлебом и полностью зависевших от привозного, — на островной и Балканской Греции. Там постоянно висела угроза голода, спутниками которого были социальные смуты и военные неудачи. (Не случайно в декретах III в. сообщение о тех или иных услугах, оказанных чествуемым лицом для увеличения зерновых ресурсов Афин, сопровождается словами о восстановлении или укреплении свободы в городе)¹³. Но даже для таких хлебобродных районов, как Египет или побережье

¹³ См. афинские декреты 289/8 г. до н. э. в честь царя птолома Авдолоонта и боспорского царя Спартока (Syll.³, 371, 370), а также после 229 г. до н. э. в честь Эвриклида: «...он явился инициатором сработки и заселения, доставив средства, и восстановил свободу городу...» (Syll.³, 497, 8—10). См. также Syll.³, 367, 16—19 (290/289 г. до н. э.). Ср. сообщение Аристотеля об афинских народных собраниях, на главном из которых в числе наиболее важных вопросов обсуждался вопрос о хлебе и защите страны *περί σίτου καὶ περὶ φελαγῆς τῆς χώρας* (Aristot., Αθ. π., XLIII, 4). Нередко *σίτος*, как, возможно, и в данном месте, означает не только «хлеб», но и шире — «продовольствие». Однако важнейшую часть продовольствия составлял тот же хлеб. Поэтому, а также ввиду невозможности в ряде случаев определенно решить, где под словом *σίτος* надо понимать «хлеб», а где «продовольствие», мы предпочли по-прежнему переводить его «хлеб», «зерно».

Понта¹⁴, источники указывают на существование той же опасности. Каппадокийская надпись 239/8 г. до н. э. упоминает о «несчастии при некоторых прежних царях, при которых случилось, что жители пострадали от засухи», и восхваляет Птолема Эвергета, спасшего население Египта от того же бедствия благодаря хлебу из Сирии, Финикии и Кипра (OGIS, 56, 14 слл.)¹⁵. Предполагают, что упомянутый катастрофический неурожай оказался связанным с внутренним мятежом (*domestica seditione*), о котором упомянуто у Юстина (XXVII, 1, 9) (см. А. Б. Рапович, Эллинизм и его историческая роль, М. — Л., 1950, стр. 179).

О возможных трудностях с хлебоснабжением свидетельствуют и такие формулировки, как следующая из письма Антигона ок. 303 г. до н. э.: «чтобы достаточное количество хлеба было у города...» (Syll.³, 344, 77—78). Живая картина того, каким напряженным бывало положение с хлебом в греческих полисах, имеется у Лисия и Демосфена. Хотя слова ораторов относятся к IV в., думается, что подобная ситуация могла свободно иметь место в III в. Причин хлебного голода было много. Например, неурожай, бывшие следствием примитивной техники земледелия, при которой такое стихийное бедствие, как засуха, почти неотвратимо поражало даже Египет — страну с наиболее развитым производством зерна (OGIS, 56, 13—15).

В источниках неоднократно отмечается война с ее разнообразными, но всякий раз губительными для сельского хозяйства результатами¹⁶. То речь идет о городе Телмессе, «находящемся в плохом состоянии вследствие войн» (*τὴν πόλιν... κακῶς διακειμένην διὰ τοὺς πολέμους*) в столь сильной степени, что во времена Птолемея Эвергета правитель города считал нужным облегчить его налогообложение, налог же со злаков и прочих плодов свести, согласно закону (*κατὰ τὸν νόμον*), к десятине (OGIS, 55). То — «...так как вследствие войн земля пуста и незасеяна (*[τῆς χώρας κατὰ] τοὺς πολέμους ἀροῦ καὶ ἀσπύρου οὐ [σῆς]*)...» (Syll.³, 497, 7—8). То в афинском декрете о выводе колонии Адрии, предназначенной обеспечить доставку хлеба в Афины, указывается: «... и когда собственная гавань будет сооружена, чтобы была стража против тирренов...» (Syll.³, 305, 56—59) — это свидетельство о пиратских набегах, дезорганизующих перевозку зерна, хотя и относится к 325/4 г. до н. э., но может быть распространено и на интересующее нас время. Косвенно, наконец, той же войне приносятся средства, рассчитанные на содержание войска, на его хлебное довольство. В декрете около 274 г. до н. э. из Эритр упоминаются эти средства, которые были задолжены птолемеидам (Syll.³, 410, 17—18). В договоре о союзе и взаимопомощи между этолиями и акариянами, относящемся ко времени вскоре после 272 г. до н. э., как один из наиболее существенных моментов, весьма обстоятельно определяется следующий: какая сторона, в каком случае и в каком размере обязана заботиться о средствах для снабжения хлебом союзного войска (Syll.³, 421 A, 35—40).

Одной из причин постоянных осложнений с хлебоснабжением были финансовые трудности, которые испытывали города, благодаря их весьма примитивной бюджетной организации. Отсутствие твердого бюджета, та

¹⁴ См. IOSPE, I, 32, A, 23—24; 59, где дважды говорится о голоде, который переживала Ольвия. Ср. Метт п., XXV, известие о посланке в дар гераклеотам 500 артаб пшеницы от Птолемея Эвергета; также Polyb., IV, 38, 5.

¹⁵ Ср. Athen., V, 209 b: «Птерон... приказал его (корабль) в качестве дара послать царю Птолемею в Александрию: ведь в Египте был недостаток хлеба (*σπάνις σίτου*)».

¹⁶ Ср. известия, имеющиеся у авторов IV в., о непосредственном нарушении хлебоснабжения полисов во время войны и о скачке цен на хлеб на городском рынке под влиянием известий о внешних неудачах: Xen., Hell., V, 3, 60—61; Lys., XXII, 14, и др.

необходимость прибегать к инициативе граждан и иностранцев, которая была не исключением, не свидетельством кризиса, а нормальным явлением¹⁷, сопутствовали в общем сравнительно невысокому развитию (даже в греческих полисах!) товарного хозяйства. И в памятниках второй половины IV в., и в источниках III в. мы находим неоднократно подтвержденные тому, какой острой была проблема финансирования хлебоснабжения. Так, декрет из Насоса восхваляет друга македонян Терсиппа за то, что он «помог деньгами гражданам при закупке хлеба» (OGIS, 4, 21—23). В декрете гистийцев от 230—220 гг. до н. э. отмечается как большая заслуга чествуемого лица — Афинодора, сына Пейсагора, родосца, что он закупщикам хлеба на Делосе «беспроцентно выдал деньги» (Syll.³, 493, 10—11). Самосский декрет около 246/5 г. до н. э. восхваляет Булагора за то, что он на три ситонии ссужал средства, а в последний, третий раз, взял все расходы на себя: «при третьей же он не только деньги для залога принес — все из собственных средств, но и когда был привезен в город хлеб и ситон за него задолжал, он, придя в экклесию, обещал, так как не было, откуда деньги возвратить, что сам и долг за полис и проценты и остальные расходы все погасит, и это он выполнил быстро...» (SEG, I, fasc. II, 366, 40—45). В декрете из Иоса конца III в. говорится о Дионисиодоре, сыне Демофила избранном, агораномом) что он, «чтобы граждане имели (возможность) покупать достаточное (количество) хлеба, убедил других из граждан внести вперед и впес вперед сам без процентов деньги»¹⁸ (IG, XII, 5, 1011, 3—4)¹⁹. У ораторов IV в. можно найти и указание на подобный факт (Dem., XXXIV, 39), и другие сведения, что деньги, предназначенные для городского хлебоснабжения, обладали притягательной силой для спекулянтов (Lucurg., c. Leocr., 26). Наконец, весьма показательны, что при синойкизме Лебедоса и Теоса, о котором мы знаем из письма Антигона, — беспечного по своему многообразному содержанию источника, — при выработке статуса нового полиса представители лебедосцев просят у Антигона и последний удовлетворяет их просьбу — образовать постоянный денежный фонд для нужд хлебного импорта. «Представители лебедосцев говорили, что нужно на хлебный запас выделить из доходов 1400 золотых, чтобы желающий, взяв под залог это золото, возил хлеб в город и продавал в течение года, когда пожелает; когда же год кончится, отдал золото городу и самую [сумму] и проценты, под которые она взята»²⁰ (Syll.³, 344, 72—76). В возражениях, приводимых Антигоном, первое место занимают финансовые соображения: «Мы же прежде не желали никакому городу предоставить ввоз хлеба, ни создать хлебный запас, не позволяя, чтобы города на это расходовали много денег, которые не необходимы...» (там же, сткк. 80—82). Однако надежда избавить город от долгов («но мы устанавливаем это, наблюдая за тем, чтобы города стали свободными от долгов», там же, сткк. 87—88) заставляет Антигона согласиться на проект лебедосцев. Таким образом, когда хлебоснабжение полисов оказывалось зависимым от торговли, перед ними вставала весьма сложная проблема финансирования этой торговли.

Источники освещают также, разумеется, далеко не все и не полно те методы борьбы, которые государства применяли для предотвращения

¹⁷ W. W. Tarn, Hellenistic Civilization, London, 1952 стр. 116—118.

¹⁸ ὅπως ἔχουσιν οἱ πολῖται σῖτον ἀνεῖσθαι ἰθαίῳν, ἄλλους τε τε τῶν πολιτῶν προσισφέρειν ἐπεισεν καὶ προσισφραγεῖν ἀργύριον αὐτὸς ἄτοχον... (восстановление Graindor).

¹⁹ Ср. также с перечисленными выше декретами: IG, XI, 4, 1049; JOSPE, I², 32.

²⁰ Русский перевод письма Антигона сделан с учетом английского, имеющегося в книге: C. B. Welles, Royal Correspondence in the Hellenistic Period, New Haven, 1934, стр. 15 слл.

опасности хлебного голода. Учреждение собственного торгового центра и снабжение хлебом (Syll.³, 305) должно было до известной степени оградить полис от превратностей судьбы, неурожая, военных разорений и пр.

Хлебные законы, известия о которых для Афин имеются в источниках более ранних, чем III в. до н. э., но действие которых, быть может, отчасти распространялось и на эту эпоху, должны были гарантировать регулярное снабжение хлебом граждан²¹. Вполне допустимо, однако, что закон, нарушение которого в Афинах каралось смертной казнью, — ввозить хлеб только на афинский рынок²², закон, известную аналогию которому мы находим в Херсонесской присяге (Syll.³, 360, 47—50)²³ преследовал не только цель — обеспечить в первую очередь хлебом данное государство, но и, возможно, фискальную. Эта последняя цель — увеличение доходов полиса путем пошлин с хлебной торговли — достигалась соответствующими городскими постановлениями. Быть может, и то место из письма Антигона, где говорится о палатах на экспорт, проектируемых в результате слияния полисов (Syll.³, 344, 94—101), генетически восходит не только к тщательно продуманной фискальной системе эллинистических монархов, но и к полисным порядкам.

Одной из превентивных мер в борьбе с голодом было создание хлебных запасов. О таких запасах (*αἱ παραθέσεις τοῦ σίτου*) сообщает то же письмо Антигона. В почетном декрете астиналленцев, относимом к III/II вв. до н. э., Демотел, сын Каллиппа, восхваляется за то, что, будучи избран агораномом, он постоянно заблаговременно закупал хлеб для народа (*σίτου διατέλει προνοητικῶς τῶι δήμῳ*) (Syll.³, 946, 8—9). Наконец, неоднократное обращение к инициативе состоятельных граждан и ипострацев (хлебные дары, продажа зерна ниже себестоимости и т. д.), — также должно быть упомянуто среди мер борьбы с хлебным голодом.

Таким образом, привлекаемые в совокупности, а не изолированно источники позволяют восстановить общие контуры хлебоснабжения полисов Восточного Средиземноморья в III в. до н. э., дают возможность судить о степени напряженности хлебной проблемы и методах ее разрешения. Не спрос и предложение в торговле, а потребность в хлебе и способы ее разрешения могут быть изучены на основе этих источников. Однако это утверждение лишь тогда может стать убедительным, когда будут систематически рассмотрены все формы хлебоснабжения государств и определено место каждой из них.

Поэтому перейдем ко второму из поставленных выше вопросов (см. стр. 51) — о типах хлебоснабжения полисов.

Если обратиться к тому, как освещался в литературе этот вопрос, то здесь заслуживают быть отмеченными два обстоятельства: во-первых, как таковой, он, в сущности, сформулирован не был, во-вторых, исследователи тем не менее, в силу необходимости решать его, всякий раз исключительную роль уделяли торговле.

Так поступая Ф. Хейхельхейм, писавший в статье «Sitos» (P. — W. — Kr., стб. 845): «Производство хлеба, торговля хлебом и хлебная поли-

²¹ См. об этом: E. Ziebart, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, Hamburg, 1929, Anh. II, стр. 118 сл.; A. M. Andreades, A History of Greek Public Finance, I, Camb. Mass., 1933, стр. 243 сл.

²² Dem., XXXIV, 37; XXXV, 50; Lucurg., c. Leocr., 27.

²³ Относительно обязательства херсонесситов не продавать и не вывозить своего хлеба никуда, кроме Херсонеса, уже В. В. Латышев справедливо отметил возможность предположения, «что... городское управление Херсонеса, в видах увеличения доходов города, установило, чтобы Херсонес был единственным хлебным рынком для своих граждан, и воспетило вывоз хлеба через другие торговые пункты» (В. В. Латышев, *Полтава*, СПб., 1909, стр. 157).

тика испытали в эллинистический период от индийской границы до Атлантики ясно выраженное изменение в структуре, которое стояло под знаком капиталистической прибыли (unter erwerbkapitalistischen Vorzeichen); далее тот же автор писал, что торговля хлебом с дальними странами в это время получила значение, которого она ни раньше, ни после в античности не имела (стб. 849), что «вследствие подъема производства и связанного с этим падения цен... свободная хлебная торговля начинает удовлетворять сильнее, чем прежде, спрос неавтаркной области эллинизма» (стб. 852).

В более скрытой форме та же особенность — видеть торговые связи в источниках и там, где они есть, и там, где их, строго говоря, нет — обнаруживается у многих авторов. Попробуем проверить аргументацию первой, остановившей наше внимание формулировки В. Тарна о хлебной торговле: «Что касается съестных припасов, то зерновой хлеб был, вероятно, важнейшим из всех товаров (the greatest of all trades), не исключая серебряной руды; Афины, Коринф, Делос, многие острова (IG, XII, 5, 1010: 7,40; OGIS. 4; Str., 684), Июпия (OGIS, 9; Ditt.³, 354, 344, стк. 73—100) и, может быть, другие города обычно его ввозили, а главными экспортёрами зерна были Египет (с Киренаикой, SEG, IX, 2) и Крым» (стр. 30), — и мы увидим, что из восьми ссылок в двух случаях о торговле вообще нет речи²⁴, в трех — говорится о внешней торговле и других формах хлебоснабжения²⁵, в одном — текст не дает оснований категорически утверждать, какая форма имела в виду²⁶, и, наконец, в двух — речь действительно шла только о внешней торговле²⁷.

Эта тенденция сквозит всюду — и в мелочах, когда, например, Ф. М. Мищенко *οὐ πλοῖζόμενα* у Полибия (IV, 47,1) переводит «народы, занимающиеся морской торговлей», хотя *πλοῖζεμα* означает «заниматься мореходством» (И. X. Длоретский); «to sail on the sea, use ships, practise navigation» (L. — S. — J.); и в более существенном, когда В. Ф. Гайдукевич пишет: «По надписям известно, что в IV—III вв. на Босноре присутствовали, несомненно, с торговыми целями, жители городов Южного Причерноморья: Византия, Калхедона, Гераклея Понтийской, Кромны, Амиса, из западного причерноморского города Одесса, из Херсонеса Таврического, а также из значительно более отдаленных Хиоса, Родоса, Кипра, Спарты и Сиракуз. Имена боспорских купцов извест-

²⁴ Str., 684: «Кипр по своим достоинствам не уступает никакому другому острову: он изобилует виноградом, оливой и имеет достаточно хлеба»; «... SEG. IX, 2: Кому дал (добыл) хлеб полис, когда в Элладе был голод: афинянам 100 тысяч и т. д.»

²⁵ Ditt.³, 344, 72—75: «... нужно на хлебный запас выделить из доходов 1400 золотых, чтобы желающий, взяв под залог это золото, ввозил хлеб в город и продавал в течение года, когда пожелает...»; ср. там же, стк. 80—86: «Мы же прежде не желали никакому городу ни предоставлять ввоз хлеба, ни создавать хлебный склад, не позволяя, чтобы города на это расходовали много денег, которые не необходимы, мы не желали даже теперь делать это, так как вблизи находится дышащая форос хора, так что, если возникает нужда в хлебе, мы думаем, что легко послать из нее столько, сколько кто желает». IG, XII, 7, 40, 6—10: «... избранный народом, согласно постановлению, с тем, чтобы городу был куплен общественный хлеб, дважды доставил из даров, дважды же...» (ἀρεταῖς ὑπὸ τοῦ δήμου [κατὰ] ψήφισμα ἵνατε [ταῖς πόλιν] ἴσασθαι τὸν αἴτιον τὸν δημόσιον, δις μὲν ἐπὶ [σεν] ἐγ' ὁμορέων, δις δέ...). OGIS, 4, 17—19: «Был он добрым мужем и в связи с голодом и от сатрапов добился ввоза хлеба (πᾶρ τὸν σατράπην ἐσαγάγα[ν] εἶτω κα[τα]σκευάσσει). Ср. Th u c., IV, 26, 5 (О том, каким мог быть этот ввоз хлеба см. ниже, стр. 65). Ср. OGIS, 4, 21—23: «... помог деньгами гражданам и при закупке хлеба (ἐβαθύη [οἱ] χρη[η]μάσει καὶ τοῖς πολιταῖσι εἰς [αἰ] τὸν αἴτιον)».

²⁶ OGIS, 9, 1—2: «Так как Архестрат, сын Никопа, македонец, будучи родственником царю Деметрию... и став в Клазоменах стратегом, был верным делу царя и снас городу корабли, везущие хлеб (τὰ πλοῖα τὰ αἰ[τα]γωγά)...». Ср. Th u c., VI, 30, 1; VIII, 4.

²⁷ Ditt.³, 354; IG, XII, 5, 1010.

ны П по надписям в различных пунктах Эгейского моря. Во второй половине III в. на о-ве Делос был издан декрет в честь пантикапейского купца Койрана, который за выдающиеся заслуги перед делосцами был освобожден от налогов, а также получил другие льготы. Около 100 г. до н. э. купец Евтих из боспорского города Нимфея принес на о-ве Делос благодарственный дар Зевсу Урию (Сопутствующему) и другим богам за себя, за своего сына и «за всех плавающих» (Боспорское царство, стр. 89).

Проверим, как мы сделали это с выдержкой из В. Тарпа, какие же надписи безоговорочно признаны В. Ф. Гайдукевичем свидетельствующими о боспорских купцах и торговле. Сначала (прим. 18) автор отсылает нас к работе С. А. Жебелева²⁸, который, опираясь на боспорские проксении в честь уроженцев Амиса и Хапкедона (IOSPE, II, 1, 2), посвятельную надпись, поставленную уроженцем Византия (IOSPE, II, 21), боспорские надгробные надписи, упоминающие уроженцев Сиракуз (IOSPE, II, 300), Колофона (IV, 401), Гераклея Понтийской (II, 288; IV, 399), Кипра (II, 292), Кромн (II, 291) и Ливии (300, XXVIII, прот. 25, III), писал: «мы вряд ли ошибемся, сказав, что в IV в. торговыми сношениями Боспор был связан со всем Черноморьем и восточным, по крайней мере, Средиземноморьем». (Как будто не было иной возможности для людей, перечисленных в этих надписях, попасть на Боспор, как только будучи торговцами!). Затем (прим. 19) В. Ф. Гайдукевич ссылается на делосский декрет о проксении пантикапейца Койрана в издании Б. Н. Гракова. «Можно думать, — читаем у Б. Н. Гракова, — Койран непосредственно торговал с Делосом» (Материалы..., стр. 256). Основанием для этого предположения служит Б. Н. Гракову тот факт, что Койрану, наряду с другими правами, даровано право беспопытности. Наконец (прим. 20), посвящение на Делосе нимфейцем Евтихом за себя и своего сына, за всех плавающих Зевсу Сопутствующему, Саранису, Исиде, Анубису, Гарфократу (Материалы..., № 58). «...можно думать, — писал Б. Н. Граков, — по содержанию надписей и по посвящению Диобору за всех плавающих, что Евтих, сын Аполлония, был нимфейским купцом...» (стр. 287).

Стоит отметить, что если Б. Н. Граков предлагает интерпретацию надписи, всякий раз подчеркивая ее гипотетичность («можно думать»), то В. Ф. Гайдукевич сопроводает ее словом «несомненно». Так, пекие Койран и Евтих превращаются в «кунца Койрана» и «кунца Евтиха», и догадка приобретает вид несомненного факта²⁹.

Хотелось бы, чтобы читатель правильно понял нашу позицию: мы отнюдь не склонны отрицать наличие многообразных торговых связей между странами Средиземноморья, но при этом приходится, во-первых,

²⁸ Жебелев, В. Основы эллинизма..., стр. 605 = Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 134.

²⁹ Приведенное толкование надписей грешит некоторой односторонностью. В самом деле, причастность Евтиха и Койрана к торговцам — не только не действительность, но возможность, к тому же и не единственная. Ведь не один лишь купец, но любой современник Евтиха, проделав утомительный и опасный путь по морю из Нимфея на Делос, избежав кораблекрушения и малоприятной встречи с пиратами, подумывая к тому же, быть может, и об обратном путешествии, мог захотеть свискать расположение богов и воздвигнуть им посвящение. Будем до конца последовательны и в отношении Койрана. Ведь его наделили не только свободой от налогов, но правом приобретать землю и дом и занимать первые места на состязаниях, какие устраивают делосцы, и доступом к совету и народу первым после рассмотрения религиозных вопросов. Если уж делать выводы о специальных интересах Койрана из привилегий, которые ему дарованы, то с таким же основанием можно думать, что именно состязания на Делосе его больше всего волновали или что право первому иметь доступ к совету и народу было для него самым драгоценным. Чтобы не впасть в крайность, надо иметь в виду, что проксен получал комплекс прав, которыми он мог пользоваться. Но какими именно правами он пользовался, какие были ему особенно нужны, об этом ничего достоверного мы сказать не можем так же, как и о том, кем был пантикапейец Койран.

четко ограничивать твердые доказательства от более или менее шатких предположений, а во-вторых, если уже вступать на путь гипотез, надо исчерпывать все возможные варианты в толковании источников. Это совершенно необходимо, ибо торговые связи были далеко не единственной формой экономического общения государств в эллинистический период.

Напряженная борьба сначала между военачальниками Александра за его наследство, относительно которой без преувеличения можно сказать, что театром военных действий была значительная часть Средиземноморья, а передним краем — Греция и Малая Азия, затем — между Антигонидами, Лагидами и Селевкидами за Сирию и Эгейский бассейн, кровавые перипетии отношений двух эллинистических союзов — Ахейского и Этолийского, нашествие варваров, обрушившихся с севера на Грецию и Малую Азию, — иначе говоря, войны постоянные и жестокие были тем фактором, влияние которого сильно сказывалось на экономике конца IV и III вв. В частности, сопровождавшие войну грабежи, разорения, контрибуции были одной из форм, в которой совершалось распределение богатств, в том числе и хлебных, между эллинистическими государствами.

Данные авторов — Полибия, Диодора Сицилийского, Плутарха — дополняют те немногие косвенные на это указания, которые можно почерпнуть из надписей. Литературные свидетельства, хотя за редким исключением прямо о хлебе не говорят (ср. Polyb., II, 5, 3, где, однако, не ясно, идет ли речь о закупке или непосредственном присвоении зерна), позволяют все же живо представить, что непосредственный захват был вполне ординарным способом присвоения необходимых продуктов, самым обыденным выходом для пополнения собственных истощившихся ресурсов³⁰.

Какое сознание именно обычности происходящего сквозит в повествовании Полибия о захвате Мантиней Аратом! «Однако, — пишет он, — несмотря на то, что после победы ахеяне только расхитили имущество мантинейян и продали свободных граждан...» (II, 58, 12). Тон историка красноречивее слов говорит об этих законах войны (*κατὰ τοὺς τοῦ πολέμου νόμους*) (II, 58, 10). В другом месте в немногих, но сильных словах описывает Полибий разорение и разграбление византийской земли фракийцами, которое для византийцев было привычным: «Ибо византийцы владеют плодоснейшей землей. Когда обрабатывают ее старательно и получится обильный урожай превосходного качества, когда вслед за сим появляются варвары и часть плодов уничтожают, а другую собирают и уносят с собой, тогда, не говоря уже о потерянных трудах и затратах, самый вид истребления прекрасных плодов повергает византийцев в тяжкую скорбь и печаль. Тем не менее войну с фракийцами они по привычке выдерживали» (IV, 45, 7—9; ср. XXIII, 15). Стоит отметить, наконец, и нередко встречающееся у Полибия слово *πλεονεξία*, которое, означая алчность людей, их стремление к грабежу и наживе, занимает в исторической концепции древнего автора определенное место и указывает на одну из движущих сил в действиях целых народов (например этолийцев — II, 43, 9; 43, 3; 49, 3).

Значительную роль в хлебоснабжении в III в. играли хлебные дары, представлявшиеся одним государством другому. Эта старая практика, о которой для IV в. сохранились многочисленные яркие свиде-

³⁰ См. об этом К. К. З е л ь и ц, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры, М., 1939, стр. 69—70. Ср. для IV в. известия о насильственной разгрузке во время голода афинских кораблей с хлебом византийцами, калхедонянами и кизикийцами (D e m o s t h., I, 6; [Aristot.], Oecon. II, 1346b), а также об ограблении родосцами афинских хлебных судов на пути из Египта в Пирей (Lucian, in Leocr., 18).

тельства³¹, не только перешла в III в., но и благодаря появлению крупных эллинистических царств, обладавших порой значительными зерновыми богатствами, получила свое дальнейшее развитие.

О 292/1 г. до н. э., очевидно, идет речь в декрете, восхвалявшем афинского посла к Птолемею, Федра Сфеттийца, который «доставил народу хлеб и деньги (ἐκόμισεν τῷ δήμῳ σίτον καὶ χρήματα)» (Syll.³, 409, 29—30). Формулировка, как представляется, указывает именно на дар, ибо упомянута доставка не только хлеба, но и денег. К тому же употребленный здесь глагол κομίζω, как будет видно из дальнейшего, часто обозначает доставку именно дара. Далее, от 290/89 г. сохранился афинский декрет в честь начальника флота Птолемея, Зенона, который «заботится и о доставке хлеба (τῆς κομιδῆς τοῦ σίτου) народу, чтобы он был переправлен (διακομίζηται) наиболее надежным способом» (Syll.³, 367, 16—19). Снова наличие глагола διακομίζω, а также акцент на гарантированной наилучшим образом транспортировке хлеба позволяют думать, что и в этом случае говорится о хлебном даре.

О дарах царя птолемеев Авдолеонта и боспорского царя Спартока свидетельствуют декреты 289/8 г. до н. э. Об Авдолеонте: «... и принес дар хлеба народу (δέδωκεν δὲ καὶ [σ]ί[τ]ι[ν]ο[ν] δωρεάν) в 7500 македонских медимнов, привезя за свой счет (ἀναλωμασίν καταστήσας) в гавани полиса. Он обещает в остальном оказывать услуги, содействуя как в доставке ([ε]ίς... κομίδ[η]ν) в Пирей, так и в обеспечении свободы городу» (Syll.³, 371, 25—34). О Спартоке: «... и принес дар хлеба (δέδωκεν σίτου δωρεάν) в 15 000 медимнов...» (Syll.³, 370, 23—24). Интересно, что обе надписи упоминают и событие, в связи с которым были направлены дары, — освобождение Афин от власти Деметрия Полиоркета. От времени около 287/6 г. дошел декрет, содержащий сведения о даре Лисимаха Афинам: «так как Филиппид... находясь у царя Лисимаха, прежде переговоров с царем, привез народу дар (ἐκόμισεν τῷ δήμῳ δωρεάν) в 10 000 аттических медимнов пшеницы...» (Syll.³, 374, 7—12).

Было бы ошибочным думать, что только греческие города являлись объектами хлебных даров со стороны их богатых зерном соседних эллинистических монархов. Сошлемся на Афиня, который писал, что во время хлебного бедствия в Египте Гиерон Сиракузский решил в качестве дара (δῶρον) послать царю Птолемею корабль, среди прочего нагруженный 60 000 медимнов хлеба³².

Наконец, неполной будет картина, если не упомянуть о дарах (δωρεά) Родосу, сделанных эллинистическими правителями после землетрясения 223 г. до н. э. Среди пришедших Родосу на помощь — Гиерон и Гелон сицилийские, Антигон Досон, Птолемей Эвергет, Прусий Вифинский, Митридат и др. «Что касается городов, помогавших им на мере возможности, то трудно было бы даже перечислить их» (Polyb., V, 90, 2). Дары разнообразны: драгоценные металлы, строительный лес, медная монета, железо, смола, свинец, корабли. Однако одно из первых мест занимает хлеб. «Птолемей также обещал им (родосцам)... 1 000 000 артаб хлеба..., сверх того, на состязания и жертвы 12 000 артаб хлеба, а равно 20 000 артаб на содержание 10 трирем... Супруга его (Антигона) Хриссида подарила 100 000 артаб хлеба... Отец Антиоха Селевк даровал свободу от пошлин для проходящих в пределы его царства, ... 200 000 метретов хлеба...» (Polyb., V, 89).

³¹ См., например, упомянутую выше надпись о даре Кирены пострадавшим от голода греческим полисам в размере не менее 805 тысяч медимнов (SEG, IX 2).

³² A t h e n., V, 209b. Источником Афиня служит здесь некий Мосхион (V, 206 сл.), о котором ничего, кроме переданного Афинсем, не известно.

Какую же цель преследовали эти дары? С какой стати делались столь дорогостоящие подарки? В историографии, как правило, указывается на то, что восстановление Родоса, посредника во внешней торговле, было необходимо всем монархам — вот они и шли на этот расход³³. В известной степени, возможно, это верно. Но если заинтересованность в центре транзитной торговли может отчасти объяснять огромные, по масштабам того времени, дары эллинистических царей родосцам, то посылки Птолемеем Гиероном корабля, нагруженного хлебом, соленой рыбой, шерстью и прочим, они, пожалуй, не объясняют.

На помощь приходят литературные источники. Не столь лаконичные, как надписи, они говорят о движущих пружинах в действиях дарителей. Вот, например, Мемнон пишет, что «Птолемей, царь Египта (речь идет о Птолемее Эвергете. — М. Т.), достигнув вершины благополучия, склонял блистательнейшими дарами города на свою сторону (*λαμπρόταταις μὲν δωρεαῖς ἐβέρεταιν τὰς πόλεις προήγετο*). И гераклеотам он послал 500 артаб пшеницы и построил у них на акрополе храм Геракла из проконесского камня» (Мемн., XXV). Естественно, что для Птолемея Эвергета, удерживавшего под своей властью большую часть побережья Гелеспонта и Фракии³⁴, соседние понтийские области были далеко не безразличны. Как справедливо отмечалось в литературе³⁵, внешние владения Египта были всецело подвластны Птолемеям. Управляемые стратегами, они облагались налогами и сулили прямые доходы короне в виде всякого рода поборов с покоренного населения. Не господство на рынке, а военное и политическое подчинение новых территорий, пополнение казны — вот что преследовали эллинистические правители во внешней политике; не торговой конкуренцией, а оружием и дарами завоевывали они эти территории. О помощи Птолемея Филадельфа Византию имеются очень интересные сведения у Дионисия Византийского: «Немного выше ущелья Панормикон расположен храм Птолемея Филадельфа, кого византийцы почитали, подобно богу, потому что от него, благодаря величию его души, они получили для города большую пользу. Ведь византийцам Птолемей даровал в азиатскую область несметное количество зерна и стрелы и деньги (*Etenim Byzantiis Ptolemaeus in Asiam regionem frumentique multas thyriades et sagittas et pecunias dederat*)» (Dion. Byz., fr. 28). Издатель этого отрывка К. Мюллер³⁶ связал его с войной Антиоха II против Византии и видел в нем свидетельство поддержки, оказанной этому городу Египтом. Египетские дары были не менее действительны, чем военное предприятие Антиоха. В той сложной борьбе Селевкидов, Лагидов и Антигонидов, эллинистических монархий, полисов и племен, которую демонстрирует III в., укрепление своего политического авторитета было для каждой из соревнующихся сторон весьма существенным моментом.

В энцикии Птолемею у Феокрита отмечены те стороны деятельности монарха, которые сильнее всего способствовали завоеванию политического престижа. Это, в первую очередь, богатые подношения храмам и дары соседям.

«Но не хранит он без пользы сокровищ в богатых палатах,
Так, как запас муравьи в бесконечном труде накаплиют.
Многое в дар получают богов знаменитые храмы,

³³ Ср. Введение С. И. К о в а л е в а к пер. книги В. Т а р н а «Эллинистическая цивилизация», М., 1949, стр. 15.

³⁴ См. надпись из Адулиса в честь Птолемея Эвергета (OGIS, 54, 5—17), а также о предшественниках Птолемея Филонатора у Полибия (V, 34).

³⁵ T a r n, ук. соч., стр. 182.

³⁶ С. M ü l l e r, *Geographi Graeci Minores*, Parisiis, 1861, II, стр. 34.

Где он, как первый, всегда подношения и жертвы приносит.
 Многое в дар посылает (δεδόρηται) иным государям достойным,
 Много дает городам, немало товарищам храбрым».

(Феокрит, XVII идиллия, сткк. 106 слл. Пер. М. Е. Грабарь-Пассек). Но если поэт восклицает:

«А что для богатого мужа
 Может прекраснее быть, чем стяжать себе добрую славу?» —

то в прозе эта «добрая слава» (καλὴ εἰσφάλα) выступает уже не как самоцель, а всего лишь как средство к осуществлению куда более практических помыслов.

Рассмотрим рассказ Плутарха об Арате или Полибия о том же времени. Источники, во многом противоречащие друг другу, сходятся в признании бесчисленных даров, подкупов, которые не вызывают осуждения у авторов, ибо они обычны, будничны. Осуждается не прим подкупа, а лишь иногда цель, для достижения которой дар был принесен.

Так, Плутарх, повествуя о денежных субсидиях Птолемея Арату, с одобрением замечает: «Вследствие этого Арат пользовался расположением и, выдержав испытание, еще больше привязал (к себе) царя и получил в дар городу (δωρεάν ἔλαβε τῇ πόλει) полтораста талантов... Было ведь уже большим делом доставить столько денег гражданам. Другие стратеги и демагоги, получая от царей лишь небольшую часть этих денег, причиняли обиды, порабощали и приносили в жертву им свое отечество. Еще большим (делом) является достижение им благодаря этим деньгам примирения и согласия между неимущими и богатыми, а для всего народа — благополучия и безопасности, и удивительная умеренность человека столь могущественного» (Plut., Arat., 13, 14). Хотя приведенная сентенция принадлежит, вероятно, не современнику событий, а человеку, жившему спустя более чем триста лет, но факты, о которых повествует Плутарх и которые он почерпнул, очевидно, из своих источников, симптоматичны. Дары Птолемея делают свое дело. Птолемей — союзник ахейцев, Арат предоставляет ему в случае войны командование над морскими и сухопутными силами (там же, 24). Но дары — это оружие в руках любого, кто может отплатить: и вот уже Клеомен обещает больше. «От своего имени он (Клеомен) отправил к нему (Арату) Трипила и затем своего отчима Меггистона и обещал ему многое, между прочим, ежегодную пенсию (σύνταξις ἐνιαύσιος) в двенадцать талантов, вдвое больше, чем Птолемей, который ежегодно посылал Арату шесть талантов. Царь (Клеомен) требовал, чтобы его провозгласили главой Ахейского союза и позволили сообща с ахеянами охранять Акрокоринф» (там же, 41). Дар хлебом, дар деньгами, дар, наконец, городами, которые можно грабить — все это тесно переплетается. Круг замыкается, одно делается ради приобретения другого: «Его (Арата) начали обвинять теперь в других отношениях. Его обвиняли, например, за то, что ахеяне подарили (δωρεάν ἔδωκεν) Антигону Коринф, как какую-нибудь деревушку; что они позволили ему разграбить Орхомен и ввести в него македонский гарнизон» (там же, 45).

С теми же методами в политике — дарами, подкупом, прямым насилием знакомит нас и Полибий: «Впрочем, Деметрий царствовал всего десять лет, а после его смерти, в пору первого перехода римлян в Иллирию, обстоятельства сложились весьма благоприятно для осуществления первоначальных планов ахеян, именно: пелопоннесские тираны впади в уныние как по причине смерти Деметрия, который был для них как бы поставщиком содержания и жалования (ὡς ἦν αὐτοῖς σίμαί χρηρῆος καὶ μισθοδότης), так и потому, что Арат неотступно требо-

вал отречения от власти. Покорным он обещал ценные дары (*καὶ τοῖς μὲν πεισθεῖσι μεγάλας δωρεάς καὶ τιμὰς προτείνοντα*), а упрямых запугивал еще большими бедами и опасностями со стороны ахемидов (II, 44).

Нужно постоянно иметь в виду значение этих даров, разгадывать их политический смысл при чтении источников. Экономические связи нередко облекались не в форму торговли, а то — в форму даров, то — непосредственного захвата. Политический выигрыш не только обещал экономические выгоды, но и достигался при помощи тех же материальных средств, перекачивания богатств из одной страны в другую.

Связь различных форм хлебоснабжения друг с другом, роднящие их некоторые общие черты наблюдаются не только при сравнении военной контрибуции и даров (*δῶρα*), взыскиваемых принудительно с покоренного населения (последнее предшествовало нередко обложению его регулярной данью — форосом, ср. Polyb., IV, 46)³⁷, но также даров и торговли. С элементами тех же даров, только не в прямом, а, так сказать, в превращенном виде мы сталкиваемся и при изучении такой формы хлебоснабжения, как торговля. Мы имеем в виду ту неоднократную и различную лишь по методу помощь, которую оказывали государству граждане данного полиса³⁸ или иностранцы³⁹ при закупке хлеба (финансовые субсидии, продажа зерна по более дешевой цене и т. п.). Степень добровольности этой помощи могла быть весьма несходной, как и в случае с *δῶρα*, от принудительных литургий до вполне свободной инициативы, которую, очевидно, иногда стимулировало желание гражданина стяжать себе славу эвергета, поднимавшую его политический вес в полисе, а иногда — и более прямой деловой расчет.

Интересное замечание, сделанное Аристотелем о своем времени в «Риторике», что ввоз и вывоз (*περὶ τῶν εἰσαγομένων καὶ ἐξαγομένων*) были одной из тем, постоянно всеми обсуждаемых, — наряду с вопросами о доходах, войне и мире, защите земли, законодательстве⁴⁰, — можно думать, остается в силе и для III в. Поясняя свою мысль, философ писал о средствах пропитания (*περὶ τροφῆς*), что нужно знать размер и качество достаточных для полиса расходов, какие продукты произрастают на месте и какие ввозятся, в вывозе и ввозе чего именно нуждаются. чтобы для этого заключались договоры и контракты (*συνθήκαι καὶ συμβόλαι*)⁴¹. Однако, если первое общее положение Аристотеля распространимо и на эллинистический период, то принадлежность философа к IV в. сказывается ясно уже в этом разъяснении. Действительно, в IV, как и в V в. до н. э., упомянутые Аристотелем договоры и контракты между полисами могли обеспечивать *τροφή* населения. Новая историческая ситуация в Средиземноморье в III в., существование больших царств, то включавших в свой состав греческие полисы, то в большей или меньшей степени подчинявших их, то, наконец, борющихся за господство над ними, не могла не сказаться и на системе ввоза и вывоза в полисах, в частности ввоза и вывоза хлеба. Дары хлеба, а также — об этом подробнее сказано ниже — различные формы регулирования хлебной проблемы в рамках крупных территорий эллинистических государств, в том числе натуральные поставки и сбыт правительством зерна в нуждающиеся районы, были широко распро-

³⁷ Ср. также в ольвийском декрете в честь Протогена о дарах, уплачиваемых ольвиополитам царю Сантафарну и скилтроиседам (IOSPE, I². 32A, 11; 34—35; 43—44).

³⁸ Например, SEG, I, fasc. 11, 366; IG, XII, 5, 1011; IOSPE, I², 32.

³⁹ Например, Syll.³, 354; D u r b a c h, 46; Syll.³, 493; Syll.², 61.

⁴⁰ A r i s t o t., Rhetor., A 4, 1359b, 19 слл.

⁴¹ Там же, A 4, 1360a, 12 слл.

странены в III в. Тем не менее, внешняя торговля зерном в этих новых условиях продолжала играть весьма значительную роль при хлебо-снабжении греческих полисов.

Остановимся на этой, можно сказать, традиционной для греческих полисов форме хлебоснабжения — внешней торговле, какой она рисуется собственно по источникам III в. Мы не случайно употребили эпитет «традиционная» по отношению к этой форме хлебоснабжения. Действительно, эпиграфика свидетельствует, что различные полисы на протяжении всего III в., вне зависимости от той политической обстановки, которая складывалась для них, использовали старый для греческого мира способ хлебоснабжения — ситонии, экспедиции, подчас довольно далекие, для покупки хлеба. Так, мы обладаем известиями об афинских ситониях III в. в Метапонт и Сиракузы (SEG, III, 92), а также еще об одной афинской ситонии, датируемой около 271/0 г. до н. э. — название места, куда она была направлена, в надписи не сохранилось (SEG, XIV, 65). Самосцы, как сообщает надпись в честь Булагора (SEG, I, fasc. II, 366), трижды организовывали ситонии в период, предшествовавший составлению декрета — 246/5 г. до н. э. Наконец, о гистиэйских ситонах, действовавших в 30-х или 20-х годах на о-ве Делос, рассказывает Syll.³, 493.

→ Если в перечисленных выше надписях так или иначе прямо фигурируют термины *ἡ σιτώνια*, *οἱ σιτώναι*, то другие памятники говорят о предварительной закупке хлеба для народа астицаленцев (*σίτον διε|τέλει προωρέμενος τῷ δήμῳ*) (Syll.³, 946, 8—9), о купле хлеба для иосцев: «купивший общественный хлеб Аретей» (*ὁ ἡγόρακός τὸν σίτον τὸν δημόσιον Ἀρετέας*) (IG, XII, 5, 2, 1010), «... и другой хлеб он закушил (*ἡγόρακε*) городу наиболее дешево, и когда случилась сильная нужда в хлебе, из общественной казны, имея деньги, он позаботился закупить (*ἠνείσθαι*) хлеб в изобилии» (IG, XII, 5, 2, 1011).

О продаже эфесцам ввезенного родосцем Агафоклом хлеба около 300 г. до н. э. свидетельствует Syll.³, 354, 2—6. О завозе хлеба делосцами (*σίτον κα|ταχθέντα ὑπὸ Δηλίω[ν]*) (из контекста надо думать — для продажи) в оставшийся нам неизвестным центр говорится в IG, XI, 4, 1049. Делосский декрет первой половины III в. в честь Дионисия византийца (Durtbach, 46, 7—10) рассказывает о продаже этим последним хлеба делосцам. Продажа хлеба городу тирнийцем Дионисием и сидонцем Гелиодором зафиксирована в декрете из Оропа конца III в. до н. э. (Syll.², 547).

Однако, если, как свидетельствуют приведенные выше надписи, хлебоснабжение греческих полисов было многим обязано внешней торговле, протекавшей в привычных для эллинистических государств формах, то нельзя не отметить и то новое, что сообщило ей появление больших эллинистических монархий. Некоторая централизация снабжения подчиненных областей характерна для периода образования в Средиземноморье этих крупных территориальных государств.

Царский фиск и в монархии Магидов, и в монархии Селевкидов получал большие доходы как в денежной, так и в натуральной форме. В письме Антигона к жителям Лебедоса и Теоса есть указание на обложенную налогом землю (*τῆς φορολογουμένης γῶρας*), из которой, как полагает Антигон, если возникнет нужда, легко достать (*μεταπέμπεσθαι*) столько, сколько кто пожелает (Syll.³, 344, 83—85). Нам кажется очень интересным это свидетельство централизованного способа разрешения нужды в хлебе у населения города. Он не имеет ничего общего с той полусвободой торговли хлебом, при которой заинтересованный город был свободен как в выборе своего контрагента, так и в условиях сделки.

В Псевдо-Аристотелевой «Экономике», датированной также самым концом IV в. до н. э. (М. И. Ростовцев), о ввозе и вывозе в царском хозяйстве (βασιλική) сказано следующее: *περὶ δὲ τὰ ἐξαγωγίμα καὶ εἰσαγωγίμα πότῃ καὶ τίνα παρα τῶν σατραπῶν ἐν τῇ ταγῇ ἐκλαβόντι αὐτῶν λυσιτελεῖσι διατίθεσθαι* ([Aristot.], *Oecon.*, II, 1, 3 = B, 1345, b). Заметим, что понятия τὰ ἐξαγωγίμα и τὰ εἰσαγωγίμα соответствуют в дальнейшем словам ἐκλαβόντι и λυσιτελεῖσι διατίθεσθαι. Мы полностью согласны с английским переводчиком Армстронгом⁴², который с большой осторожностью переводит это, как «to imports and exports, the profitable disposition, at any given time of the dues received from provincial governors». Действительно, речь идет о ввозе от сатрапов в царском хозяйстве и о наиболее выгодном распоряжении ввезенным. Нет оснований предполагать здесь непременно форму торговли. Скорее под ввозом от сатрапов могли разумеаться регулярные поставки, которые были обязаны делать эти сатрапы в царскую казну, под вывозом же — с выгодой осуществлявшееся распределение поставленного, возможно, и в форме внешней торговли, и в форме сбыта, регулируемого государственной властью. Справедливость сказанного, пожалуй, подтверждает и то, что по отношению к собственно торговле в этой теоретической части автор «Экономики» говорит ἀπὸ ἐμπορίων или, согласно Шнейдеру и Боницу, ἀπὸ ἐμπορίων (1345, b, 30 и 1346, a, 1). Терминологическое разнообразие кажется здесь не случайным.

Подобно этому и в надписи OGIS, 4, хотя, быть может, речь и идет о торговле, но уже не свободной, а о регламентированном царской администрацией снабжении города зерном от сатрапов. Жители Насоса благодарят Терсиппа, «друга царей, стратегов и прочих македонян», успешной деятельности которого, очевидно, около 20-х гг. IV в. они были обязаны установлением ввоза хлеба от сатрапов (сткк. 18—19). Поэтому одна констатация В. Тарном (см. выше), что в OGIS, 4, говорится о торговле, представляется недостаточной. Торговля торговле рознь. Одно дело — свободная внешняя торговля хлебом греческих полисов, другое — продажа хлеба подданным и зависимому населению эллинистических царств.

Если в письме Антигона декларировался подвоз хлеба в нуждающиеся полисы непосредственно с обложенных палогом территорий (насколько мало удовлетворительным было это снабжение, показывает самая просьба лесбосцев — предоставить городу ввоз хлеба, τὰ σιτηρήσια σίτου, путем торговли), то с оборотной стороны той же медали знаком другие памятники (например, RC, 41, где говорится о городе Селевкия — Тралли, платившем десятину). Интересны в этой связи также документы, относимые к внешним владениям Египта. Это — известия об обложении подвластных полисов и территорий натуральным, в том числе хлебным, налогом. Относительно τῆς σιτηρᾶς ἀπομοίρας упоминает телмесская надпись времени Птолемея III Эвергета (OGIS, 55). Тебтунический папирус 201 г. (Geb., I, 8) говорит о выплате форося Лесбосом и Фракией также в виде хлеба: *χηρημάτων καὶ σίτου καὶ τῶν ἄλλων φόρων* τῶν ὑπαρχάντων ἐν τοῖς κατὰ Λέσβον καὶ Θράκιην τόποις διασαφῆσαι (сткк. 6—9).

Натуральное обложение и сбыт населению зерна фиском были далеко не единственной формой распределения хлеба в эллинистических царствах. Источники позволяют проследить, как полисы, входившие в состав этих государств, пытались развивать под более или менее мелочным наблюдением царской администрации свою хлебную торговлю.

⁴² Aristotle, *Metaphysics*, *Oeconomica* and *Magna Moralia*. Англ. пер. G. Cyril Armstrong, L., 1947, стр. 347.

Установление хлебного ввоза путем торговли для объединяемых Лесоса и Теоса нуждалось в подтверждении самого Антигона. Заслуживает внимания та тщательность, с какой определяется порядок этого ввоза и вывоза (Syll.³, 344, 94—101). Думается, что не столько желание, «так, чтобы ничто не опустить, что справедливо, народу же полезно» (ὥστε μηδὲν διαλίπειν ὃ δίκαιον μὲν, τῶι] δὲ δῆμοι συμφέρον ἐστίν) (сткк. 91—92), сколько внимание к интересам фиска побудило Антигона санкционировать эту торговлю и строго ее регламентировать. Ведь именно от этой торговли в виде пошлин могли увеличиваться доходы царских сатрапов ([Aristot.], Oecon., II, 1, 4 = B, 1345, b), а следовательно, пополнялась и царская казна.

От 228—225 гг. до н. э. дошла самофракийская надпись, рассказывающая, в частности, о том, что самофракийцы просят у стратега Птолемея на Геллеспонте и во Фракии, Гипномедонта, сына Агесилая, лакедемонца, права вывоза и беспошлинности (σῆτου ἐξαγωγῆν καὶ ἀτέλειαν) городу Самофракии из Херсонеса и, очевидно, подвластных этому стратегу мест (Syll.³, 502 b, 35—38). Самофракия, входя в число внешних владений Египта, пыталась на выгодных для себя условиях осуществить торговлю с областями, также подвластными Лагидам. Просьба самофракийцев лишней раз подтверждает стойкость старых, привычных для греческих полисов связей.

Самофракийская надпись, как и письмо Антигона, убеждают, сколь двойственным было хозяйственное положение греческих полисов в эллинистический период. Порой они предстают перед нами свободными в выборе своих торговых международных контрагентов, упорно следующими старым связям, порой — подчиненные эллинистическим царствам, они в такой сильной степени контролируются царской администрацией, что возникает вопрос: вправе ли мы, характеризуя международные торговые связи, говорить о самостоятельной хлебной торговле каждого из этих полисов? Ведь они кажутся только частицами больших государственных организмов — эллинистических монархий. Не только малая осведомленность о превратностях в жизни греческих полисов III в. до н. э., неоднократных переходах их из рук в руки эллинистических монархов заставляет колебаться, включать ли хлебную торговлю отдельных полисов в очерк собственно международной хлебной торговли того времени. Основная причина наших сомнений, как сказано, в другом — в указанной двойственности экономического статуса греческих полисов. То — явная зависимость торговли подчиненных полисов от царской администрации (письмо Антигона, декрет из Самофракии), то надписи (стр. 41—42), в которых нет и намек на вмешательство внешних сил в эту область хозяйства полисов.

С ярким проявлением той же хозяйственной независимости подвластных территорий мы сталкиваемся в сообщении Каиопского декрета (OGIS, 56, 15—18) о том, как Птолемей Эвергет и Береника «заботливо покровительствуя населению храмов и другим, живущим на земле, многое заранее обдумав и презрев немалые расходы ради спасения людей, из Сирии, Финикии, Кипра и многих других мест, вытребовав хлеб по большей цене, сласти жителей Египта...». Думается, что если бы о подчинении этих областей Египту не было ничего известно из других источников, то вряд ли нам пришла бы в голову мысль, что речь идет о торговле с покоренными территориями, а не с независимыми государствами.

Каковы причины такой экономической самостоятельности внешних владений эллинистических монархий? Во-первых, такие полисы, как, например, сирийские или некоторые малоазиатские, постоянно меняли своих иностранных владык, хозяйственные же их связи, в частности торговые,

сохранялись, можно думать, прежние, традиционные. Так, были очень стойкими связи колоний со своей метрополней. Не менее крепкими оказывались связи и с хлебоснабжавшими центрами: например, как, правда, для более раннего периода, за Клазомнами, по Апталкидову миру отошедшими к Персии, афинским декретом 387/6 г. до н. э. подтверждалось право прибывать в гавани тех городов, в которых клазоменийцы обеспечивали себя хлебом⁴³. Для классической древности, а затем и для эллинизма внешние торговые связи составляли как бы канву, по которой политика выпивала свои узоры, но узоры эти не повторяли очертания канвы⁴⁴. Политическая ситуация менялась, торговые связи долго еще оставались неизменными.

Во-вторых, можно назвать то неоднократно отмечавшееся в литературе обстоятельство, что в эллинистических монархиях объединение внешних владений в сущности не шло дальше военного и фискального. В экономике этих монархий элементы централизма проявлялись почти исключительно в сфере фиска. Любое мероприятие, исходившее из центра, которое демонстрировало известное хозяйственное единство монархии (это касается и проблемы хлебоснабжения), в конечном счете всегда преследовало фискальные интересы. Поскольку же полисная система хозяйства могла гарантировать удовлетворение этих интересов, царская администрация и в Египте, и тем более в Сирии, в общем избегала вмешиваться в эту область.

Подведем итоги тому, что же, собственно, содержат источники относительно проблемы хлебоснабжения греческих полисов III в. до н. э. Выше мы могли убедиться, что свободная внешняя торговля хлебом была далеко не единственной формой ее разрешения. Дары, как и военные завоевания, дань, система обложения и сбыта хлеба в подвластных эллинистическим царствам территориях говорят о значительном влиянии политического момента на распределение зерновых богатств в изучаемую эпоху⁴⁵, влиянии, которое приходится постоянно учитывать, чтобы не впасть в ошибочную трактовку эллинистического общества, развивающего якобы, подобно буржуазному обществу XIX века, свое хозяйство в условиях господства свободной торговли.

Поскольку продукты земледелия далеко не всегда приобретали форму товара, продававшегося и покупавшегося на рынке, их изобилие или недостаток прямо не определяли количество зерна-товара, иначе говоря, предложения в торговле. Это заставляет нас признать неудачной попытку исследователей обилие или нехватку хлеба в греческих полисах объяснять соотношением спроса и предложения, и последний вопрос как определяющий, свойственный высоко развитому товарному производству, класть в основу концепции развития международных отношений древних государств и их исторических судеб.

Как уже говорилось выше, М. И. Ростовцев объяснял превышение спроса над предложением в древности, в частности и в отра-

⁴³ IG, vol. II/III, ed. minor, p. 1, 28, 17 сл.

⁴⁴ Те декреты о проксении, которые, действительно, относятся к купцам — весьма многочисленны и связывают почти все центры Средиземноморья. Трудно найти некоторую «политическую» логику в них. Граждане одного и того же полиса оказываются торгующими с областями, подчиненными и Египту, и Сирии, и Македонии. При изучении прав бесноплинности, вилытия и отплытия во время мира и войны приходится, очевидно, иметь в виду их специфичность, неповторимость в дальнейшем. Думается, что одной из важнейших функций проксений для торговли было обеспечить — в рамках общества с сильно развитыми методами внешнеэкономического принуждения — возможность осуществления внешних торговых сношений. Однако мельчайшая сетка торговых связей, покрывающая Средиземноморье и восстановлившаяся отчасти на основании проксений, вряд ли может указать на политические и военные группировки.

⁴⁵ Cf. Cl. P r é a u x, L'économie royale des Lagides, Bruxelles, 1939, стр. 149.

сли зернового хозяйства, низкими техническими возможностями производства. Ошибочность этого положения, как кажется, коренится в следующем: Ростовцев не учитывал, что размах и особенности товарного производства непосредственно не определяются техникой производства, а зависят от общего уровня социально-экономического развития. Далеко не всегда хозяйство со сравнительно высокоразвитой техникой земледелия выливалось в форму товарного производства (пример Египта в III в. до н. э. представляется весьма показательным). Дело было не в технике земледелия, не в недостатке хлеба, а в том, что и производившееся зерно не обязательно целиком получало форму товара, и хлебоснабжение поэтому не определялось соотношением спроса и предложения.

Признавая, что в известных рамках товарное производство хлеба имело место в III в., мы не отрицаем и того, что в силу своей анархичности оно несло в себе возможности конкурентной борьбы. Однако на осуществление этой борьбы не могло не оказать влияния то обстоятельство, что товарное производство не было, как представляется, господствующей и единственной формой производства в Средиземноморье. Поэтому для международных отношений, где с такой силой обнаруживают себя методы внешнеэкономического принуждения, предполагать, что могла иметь место торговая конкуренция двух государств (Боспора и Египта), протекавшая в формах, подобных современным (одно из государств склоняется к упадку в результате поражения на международном рынке) — кажется неоправданным.

При критике и оценке гипотезы С. А. Жебелева нельзя также забывать о лейтмотиве всех документов эпохи — боязнь возникновения хлебного голода, всегдашнее беспокойство, вызываемое проблемой снабжения населения хлебом. Без постоянного осознания этого «духа эпохи» любые политэкономические и исторические гипотезы окажутся ошибочными.

Таким образом, мы пытались подойти к решению проблемы о боспорско-египетской конкуренции, исходя из исторических условий того времени. Мы поставили задачу определить, насколько оправдана самая возможность гипотезы С. А. Жебелева, и пришли к заключению, что, во-первых, источники единодушны в утверждении нужды в хлебе не только для бедной собственным хлебом Греции, но часто и для других районов Средиземноморья; во-вторых, формы распределения зерна, прослеженные нами на том же греческом материале III в. до н. э., лишают прочной теоретической почвы гипотезу С. А. Жебелева. Исследования боспорской экономики интересующего нас времени, произведенные советскими археологами в последние годы, подтвердили, что Боспор в середине III в. не переживал того упадка, который С. А. Жебелев объяснял в значительной степени торговой конкуренцией. Это очень важное конкретное опровержение, так сказать, вывода из гипотезы, не исключило необходимости теоретической проверки этой последней, ибо идеи о боспорско-египетском торговом соперничестве все еще встречаются в литературе.

Тот методический принцип, которым мы старались руководствоваться, — рассматривать проблемы истории Северного Причерноморья не изолированно, но в связи и в зависимости от общей истории эпохи — представляется нам весьма перспективным, возможности его далеко не исчерпаны. И если в лучших специальных работах археологи-античники постоянно и плодотворно применяют метод сравнения памятников материальной культуры — северопричерноморских и средиземноморских, — то по отношению к собственно историческим проблемам перед исследователями остается еще широкое поле деятельности.